

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

КИТАЙСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В АФРИКУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Евгений Ильич Зеленев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

Мария Алексеевна Солощева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p>28 апреля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p>12 августа 2020</p>	<p>Аннотация: В данной статье авторы проводят сравнительно-исторический анализ этапов китайского проникновения в Африку, концепциях, целях, средствах, методах и последствиях этого проникновения для самого Китая и для отдельных африканских стран в диахронической ретроспективе. Авторы делают выводы, что по сравнению с периодом двадцатилетней давности, когда Китай начал проявлять повышенный интерес к Африке, к настоящему времени возникла качественно новая ситуация. Китаем создана бинарная конструкция: Форум сотрудничества Китай-Африка запускает механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР с перспективой стать страной-последователем Китая, а программа «Один пояс - один путь» де-факто «оформляет членство» в клубе стран-последователей Китая, закрепляя эти страны в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически.</p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Зеленев Е.И., д.и.н., профессор, руководитель Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i></p> <p>e-mail: evzelenev@gmail.com</p> <p><i>Солощева М.А., к.и.н., доцент Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i></p> <p>e-mail: mary1685@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>КНР; Африка; Форум сотрудничества Китай-Африка; Китайско-африканские отношения; «Один пояс – один путь»; «Морской Шелковый путь XXI века»; концепция «Нить жемчуга»</p>	

Обоснованием китайской экономической и политической активности в Африке служат два проекта, инициированные Китаем в начале XXI в. Первый проект – «Форум сотрудничества Китай-Африка» (ФСКА, FOCAC, кит. 中非合作论坛)¹, второй – «Мор-

ской Шелковый путь XXI века» (кит. 海上丝绸之路), разработанный в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (кит. 一带一路) – уникальной программы продвижения мультимодальных транспортных интересов КНР не только в страны Европы, но также Африки и Южной Америки (см. Рис.1).

¹ Значительная часть того, что КНР делает в Африке, происходит в формате Форума сотрудничества Китай-Африка, который проходит раз в три года, поочередно в Пекине и в одной из африканских столиц, в нем участвует абсолютное большинство африканских лидеров

и высшее руководство КНР. См. Официальный сайт Форума 中非合作论坛[Форум сотрудничества Китай-Африка]. Mode of access: www.focac.org

Рисунок 1

Пространство, которое занимают страны, подписавшие соглашения
в рамках инициативы «Пояса и Пути»

Fig. 1. The space occupied by countries that have signed agreements
under the Belt and Road Initiative

Уникальность программы состоит в ее органичности условиям различных регионов мира, включая Африку. Так, министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР Майте Нкоана-Машабане связывает инициативу «Один пояс – один путь» с принятой Африканским Союзом в 2015 г. «Повесткой дня – 2063», заявив, что китайская инициатива перекликается с Программой инфраструктурного развития Африки (*Program for Infrastructure Development in Africa*)².

Согласно англоязычным источникам информации и англоязычной терминологии, в КНР существует еще одна геополитическая программа для развития контактов с Африкой, она названа «Нитка жемчуга» (англ. *String of Pearls*, кит. 珍珠链战略, дословно – «Стратегия цепочки жемчужин») и непосредственно связана программой «Морского Шелкового пути». Ее суть в том, чтобы создать два десятка китайских береговых опорных пунктов – военно-морских баз на южно-азиатском и африканском побережьях

Индийского океана с целью, во-первых, обеспечить защиту морских торговых путей, во-вторых, создать геополитические базы для торгового проникновения вглубь африканского континента на всем протяжении его океанского побережья³. Официальные китайские источники категорически отрицают военный характер китайской морской политики в Индийском океане, а концепцию «Нитка жемчуга» и вовсе называют «инсинуацией заинтересованных западных СМИ». Китайские официальные лица и проофициальные СМИ определяют «Нитку

² Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет. MODE OF ACCESS: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let>

³ Zhao, J. 21st-Century Maritime Silk Road Initiative: Aims and Objectives, Implementation Strategies and Policy Recommendations (Series on China's Belt and Road Initiative). World Scientific, Social Sciences Academic Press, 2020; Ли Гуаньцзюнь. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // Вестник московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162-174. [Li, Guan'tsiun'. Strategiia «Nitki zhemchuga» v kontekste morskoi politiki KNR (The "String Of Pearls" Strategy in The Context of China's Maritime Policy) // *Moscow State University Bulletin, Ser.25 International Relations And World Politics*, 2011, No. 4, pp. 162-174.]

жемчуга» как пропагандистский «термин, введенный в Америке в 2004 г. для обвинения китайской политики в Индийском океане в агрессивности», этот термин китайские власти считают столь же оскорбительным и лживым, как и термин «желтая угроза»⁴. Однако, объективности ради, следует заметить, что пункты базирования гражданских судов, о которых идет речь в программе Морского Шелкового пути, вполне могут иметь двойное назначение.

Говоря об Африке, подчеркнем, что пока КНР осваивает преимущественно африканское побережье Индийского океана, но в актуальной перспективе рассматриваются планы проникновения вглубь Африки и со стороны атлантического побережья, где пока геополитически господствуют США и их союзники по НАТО. Попытка Китая повторить восточноафриканский опыт и создать в Атлантике в Кабо-Верде военную базу наподобие той, что функционирует в Джибути, была решительно сорвана США. Неудачи не влияют на стратегические цели африканского геополитического проекта Китая, поскольку он носит векторный характер и представляет собой череду действий по достижению успеха методом проб и ошибок⁵.

Возможно, есть и другие программы китайского освоения Африки, но они либо строго засекречены, либо упакованы в рамках административных ведомственных инструкций и правительственных поручений, недоступных для широкой общественности.

⁴ 王媛, “季风计划”: 印度对“一带一路”在文化外交领域的围堵 2018-03-22 [Ван Юань, «Проект муссон»: Индия препятствует развитию культурных и дипломатических отношений в рамках «Одного пояса и Одного пути»]. Mode of access: http://news.china.com.cn/world/2018-03/22/content_50737408_2.htm; 珍珠链战略 [Стратегия Нитка жемчуга]. Mode of access: <https://baike.baidu.com/item/%E7%8F%8D%E7%8F%A0%E9%93%BE%E6%88%98%E7%95%A5>

⁵ China's Built a Railroad to Nowhere in Kenya. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-07-19/china-s-belt-and-road-leaves-kenya-with-a-railroad-to-nowhere>

Генезис механизмов взаимодействия

После распада СССР в 1991 г. и прекращения острого соперничества между СССР и США африканское направление примерно на 10 лет стало маргинальной сферой глобальной внешней политики. В самом начале XXI в. у Китая пробудился интерес к Африке. Это произошло на фоне быстрого роста китайской экономики, вызвавшего потребность в новых рынках сбыта и диверсификации источников сырья.

В 2000 г. была предложена новая форма китайско-африканского сотрудничества в виде вышеназванного Форума сотрудничества Китая и Африки (далее – ФСКА), целью которого объявлялось создание путей достижения, обратите внимание, «нового международного политического и экономического порядка»⁶. По итогам Форума 2000 г. появился документ, известный под названием «Пекинская декларация Форума китайско-африканского сотрудничества» – первый официальный программный документ, определяющий региональную стратегию китайско-африканских отношений⁷.

Развитие китайско-африканских отношений оказалось под началом двух китайских министерств – Министерства иностранных дел (МИД), курировавшего работу ФСКА, и Министерства коммерции (МК), располагавшего штатом – Канцеляриями по торгово-экономическим вопросам во главе с Советниками, функционировавшими под крышами абсолютного большинства более чем 50-ти китайских посольств в странах Африки. Началу китайского политико-экономического проникновения в Африку способствовало официальное анонсирование в 2002 г. стратегии «Выхода во вне» (кит. “走出去” 战略)⁸.

⁶ Zeng, A.; Shu, Zh. Origin, Achievements, and Prospects of the Forum on China-Africa Cooperation. Mode of access: https://www.focac.org/eng/lhyj_1/yjcg/P020181026382446204313.pdf

⁷ 中非合作论坛北京宣言 [Пекинская декларация Форума сотрудничества Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t155560.htm>

⁸ 更好地实施“走出去”战略 [Лучше реализовывать стратегию «Выхода вовне»]. Mode of access: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm

На втором Форуме сотрудничества Китай-Африка в 2003 г. для части африканской продукции было предоставлено право беспошлинного ввоза, а в отношении более 190 африканских компаний были сняты все таможенные тарифы, что, наряду со стимулами для китайских компаний, открыло простор для взаимного товарообмена⁹. КНР в данном вопросе действует по аналогии с США, которые еще в 2000 г. предоставили право беспошлинного ввоза в США товаров ряду стран Африки, в соответствии с подписанным президентом Биллом Клинтоном «Актом о росте и возможностях для Африки»¹⁰.

Тандем двух китайских министерств – МИД и МК, принес впечатляющие результаты. Уже в 2009 г. КНР вышла на первое место в мире по объему товарооборота со странами Африки¹¹, с тех пор стабильно закрепив за собой первую строчку в мировом рейтинге по этому показателю¹². Главным условием установления экономических и

иных связей африканских стран с КНР стало наличие между ними дипломатических отношений, тогда как главным условием установления дипломатических отношений был и остается принцип «одного Китая». На сегодняшний день у КНР в Африке нет никаких дипломатических отношений только со Эсватини (Свазиленд) и не признанным ООН государством Западной Сахары. С начала 2000-х действенным инструментом двусторонних отношений являются регулярные заседания Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными странами. Уже на конец 2012 г. Китай заявил о том, что механизмы взаимодействия на уровне торгово-экономических комиссий были установлены с 45 африканскими странами¹³, а план взаимодействия на 2019-2021 гг., утверждённый по итогам ФСКА 2018 г., включает пункт 2.2.1 о необходимости развития механизма межправительственных комиссий¹⁴. Эта политика обеспечивает Китаю практически 100% распространения своего экономического и политического влияния в африканском ареале¹⁵. Речь идет не о избирательном подходе к выбору партнеров, а о сетевой модели контроля и управления, когда решается задача тотального охвата всех африканских стран с последующим ранжированием их по особой шкале их значимости для Китая. Неохваченные китайским проектом африканские страны выглядят на общем фоне статистической погрешностью (см. Рис. 2).

⁹ Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68-75. [Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia trgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp. 68-75.]

¹⁰ African Growth and Opportunity Act. Mode of access: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/african-growth-and-opportunity-act-agoa>

¹¹ Китайско-африканский товарооборот составляет менее 5% от общего товарооборота КНР, то есть имеет далеко не первостепенное значение для современной китайской экономики. Более того, Китай не спешит форсировать экономическое сотрудничество с Африкой, удовлетворяясь имеющимся уровнем и постепенно наращивая инфраструктурный потенциал. См. Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68-75. [Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia trgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp. 68-75.]

¹² В соответствии с последней доступной официальной информацией, суммарный товарооборот КНР со странами Африки превысил \$204 млрд. (2018 г.). *中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]*. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>

¹³ 中国与非洲的贸易合作(2013)[Торгово-экономическое сотрудничество Китая и Африки (2013)]. Mode of access: www.gov.cn/zhengce/2013-08/29/content_2618549.htm

¹⁴ 中非合作论坛 – 北京行动计划 (2019–2021年) [Пекинский план действий стран-участниц Форума Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t1592247.htm>

¹⁵ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 112-128. [Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp. 112-128.]

Рисунок 2

Страны Африки, подписавшие соглашения с КНР в рамках проекта «Один пояс – один путь»

Fig. 2. African countries that signed agreements with the PRC within the framework of the "One Belt – One Road" project

По итогам Форума сотрудничества Китай-Африка в 2006 г. был издан документ «Политика Китая в Африке» (кит. 中国对非洲政策文件)¹⁶, который стал одним из первых программных документов, отражающих официальную стратегию Китая по отношению к одному из макрорегионов мира¹⁷. С этого момента китайско-африканский проект вошел в принципиально новую стадию, положив начало масштабным китайским инвестициям в африканский регион. Рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) КНР в Африку, начавшийся с середины нулевых третьего тысячелетия, имел достаточно понятную природу: китайская модель развития, госкапиталистическая по сути с надстройкой в виде «общенародного государства», осуществляющего плановое социалистическое управление экономикой, была выстроена как инвестиционная. Именно с этого времени китайская экономика фактически начинает формировать цены на сырье на мировом рынке, а внешнеторговый про-

фицит Китая и его золотовалютные резервы, благодаря своим гигантским размерам, гарантируют стране свободный доступ к мировым природным ресурсам методом инвестиционных интервенций. Государственные предприятия, получающие инвестиционную поддержку китайского правительства, ориентировались и ориентируются, прежде всего, на ресурсные отрасли. Они выбирают для сотрудничества страны с высокими политическими рисками, но низкой конкуренцией. Тогда как мотивы частных китайских инвесторов продиктованы сугубо рыночными факторами, демонстрируя всеядность от инвестирования в легальную и полулегальную золотодобычу до кредитования оптовой торговли товарами ширпотреба.

Из 100% китайских предприятий, действующих сегодня в Африке, 90% – частные компании, и лишь в Анголе и Кении доля государственных предприятий из всех действующих китайских компаний достигает 30%¹⁸. Мнение о том, что движущей силой китайского экономического проникновения в Африку являются государственными компаниями, – заблуждение. Основную массу китайской экономической активности в Африке обеспечивает частный капитал, тогда как государство определяет векторы экономического развития и, в определенной мере, обеспечивает частный капитал государственными экономическими гарантиями в форме кредитов, займов и ссуд.

Политические векторы китайских отношений с Африкой рождаются в недрах Центрального Комитета 90-миллионной Коммунистической Партии Китая, точнее внутри двух его руководящих органов – Президиума

¹⁶ 中国对非洲政策文件 [Политика Китая в Африке]. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t1321556.shtml

¹⁷ В 2003 г. Правительством КНР был опубликован аналогичный документ о политике в отношении ЕС, в 2008 г. – о Латинской Америке и Карибах, в 2016 г. – об арабских странах. См.: 政策文件 // 中华人民共和国外交部 [Политические документы // Министерство иностранных дел КНР]. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/

¹⁸ 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>. Подробнее о китайских ПИИ в странах Африки см.: Сизых Е.Ю., Шерстянкина Н.П. Китайские ПИИ в странах Африки: динамика, структура, факторы влияния // Глобализация и мирохозяйственные процессы. Иркутск. 2019. С. 25-31. [Sizykh, E.Yu.; Sherstiankina, N.P. Kitaiskie PII v stranakh Afriki: dinamika, struktura, faktory vliianiia (Chinese FDI in Africa: Dynamics, Structure, Influence Factors) // Globalization and World Economic Processes. Irkutsk, 2019. Pp. 25-31.]

Политбюро (7 человек, включая Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина) и собственно Политбюро (25 человек), а также в Центральной комиссии по иностранным делам ЦК КПК. На принятие важнейших международных политических и экономических решений КНР оказывают влияние соответствующие управления администрации Председателя КНР Си Цзиньпина и Председателя Госсовета КНР Ли Кэцзяна, а также комиссии по международным делам Всекитайского собрания народных представителей¹⁹. Претворение в жизнь выработанных ими решений по китайско-африканским отношениям находятся под патронажем двух департаментов МИД (Департамента по делам Западной Азии и Северной Африки и созданного в 2017 г. специального Департамента Африки) и четырех департаментов МК, прежде всего, Департамента по делам Западной Азии и Африки²⁰. Наряду с ними ряд вопросов специального характера курируют Министерство национальной обороны и Министерство общественной безопасности²¹.

МИД и МК участвуют в подготовке Форумов сотрудничества Китай-Африка, которые остаются важнейшими механизмами политического обеспечения китайско-африканского взаимодействия. Форумы включают Саммит²² и Министерскую кон-

ференцию. В Форуме на регулярной основе участвуют около 45 стран Африки южнее Сахары и 6 арабских стран – Марокко, Мавритания, Алжир, Египет, Судан, Тунис, т.е. почти все африканские страны. По итогам Форума принимается Программа действий на три года с указанием на конкретные меры по совершенствованию китайско-африканского сотрудничества, а также совместные коммюнике или декларации, провозглашающие принципы совместной деятельности. Существует мнение, что ФСКА «задает векторы развития сотрудничества» между Китаем и африканскими странами практически во всех сферах жизнедеятельности, корректируя их каждые три года и внося в сотрудничество новые формы²³.

Первоначально главное внимание Китай уделял развитию торговых отношений со странами Африки, чему в немалой степени способствовало повышение в 2005 г. уровня требующих утверждения валютных операций с \$3 до 10 млн, отмена квот на объем иностранной валюты для зарубежных инвестиций, а также снятие правила об обязательном возврате прибыли в национальную экономику²⁴. С 2007 г. значительную роль стали играть инвестиционные проекты: по итогам ФСКА 2006 г. был создан Фонд развития Китай-Африка (кит. 中非发展基金) – ведущий оператор в сфере прямых иностранных инвестиций в Африканские страны²⁵.

¹⁹ He, A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers No. 208 – December 2018. ON, Canada, 2018.

²⁰ Дейч Т. «Китайский век» для Африки // Международная жизнь, 2013. № 10. [Deich. T. «Kitaiskii vek» dlia Afriki ("Chinese century" for Africa) // *International affairs*, 2013. No. 10]. Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/953>

²¹ 国防部为非洲百名青年军官代表团访华举行招待会 [Министерство провело приём для посетивших Китай ста молодых офицеров из Африки]. Mode of access: http://www.mod.gov.cn/diplomacy/2019-04/21/content_4839968.htm; 开拔！自贡交警赴非洲“维和” [Выступаем! Транспортная полиция Цзянсу направляется в Африку для «поддержания мира»]. Mode of access: <https://www.mps.gov.cn/n2255079/n2255181/n2255188/c4014823/content.html>

²² Считается, что первый официальный полномасштабный Саммит «Китай-Африка» прошел в 2009 г.

²³ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 112-128. [Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp. 112-128.]

²⁴ Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239. [Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign Investment from China) // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp. 227-239.]

²⁵ 中非发展基金 [Фонд развития Китай-Африка]. Mode of access: <http://www.cadfund.com>

С приходом к власти Си Цзиньпина китайская внешняя политика, в целом, и в Африке, в частности, дополнилась рядом инициатив, самой масштабной и значительной из которых была идея «Один пояс – один путь». Она была озвучена Председателем КНР во время его визита в Казахстан в сентябре 2013 г. на форуме «Экономического пояса Шелкового пути», где имелся ввиду сухопутный транзит из Азии в Европу. В октябре того же года в Индонезии эта же идея была обнародована уже в виде «Морского Шелкового пути XXI века», который начинался в Китае и проходил через Индийский океан до Восточной Африки, а затем в Европу²⁶.

С 2013 г. ФСКА оказался увязан с повесткой программы «Пояса и Пути», что в глазах африканцев делало оба проекта политически и экономически привлекательными, а политику КНР в Африке последовательной и комплексной.

Началом нового этапа китайско-африканских отношений стал 2015 г., когда в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялся ФСКА, прошедший под лозунгом «Продвижение к взаимному выигрышу и совместному развитию». Итогом Форума стал план действий стран-участниц на 2016-2018 гг., предусматривавший 6 главных принципов китайско-африканского сотрудничества:

1. Доверие и равенство в политике.
2. Взаимный выигрыш в экономике.
3. Сотрудничество в области социального развития.
4. Сотрудничество и обмены в сфере культуры.
5. Взаимодействие в сфере безопасности.
6. Сотрудничество в международных отношениях²⁷.

В ходе работы Форума были выделены приоритетные сферы и разработаны пла-

ны сотрудничества в области инфраструктурных проектов, финансов и инвестиций, здравоохранения, торговли, модернизации и индустриализации, экологии и др.²⁸

Вышеприведенные принципы, созвучные 10 принципам мирного сосуществования и международных отношений Движения неприсоединения²⁹, вызвали неподдельный энтузиазм у африканских лидеров. Предлагавшиеся КНР конкретные проекты сотрудничества существенно отличались от «пакетных предложений» помощи, исходящих от стран условного Запада. Неслучайно по итогам Форума в 2015 г. между КНР и Африканским Союзом был подписан Меморандум о взаимопонимании в области объединения 54 государств Африки транспортными и другими средствами коммуникации. Это сразу привело к строительству при китайском участии железных дорог «Абуджа-Кадуна», «Чад-Судан», «Лагос-Калабар», «Найроби-Мамбаса», «Аддис Абеба – Джибути», шоссейных дорог и модернизации авиационного сообщения, существенно изменивших логистическую ситуацию в Восточной Африке³⁰.

²⁸ Михайличенко К.М. Роль Африки в инициативе Китайской народной Республики «Один пояс и один путь» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Том 20. № 1. С. 60-68. [Mikhailichenko, K.M. Rol' Afriki v initsiative Kitaitskoi narodnyi Respubliki «Odin poias i odin put'» (Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt And One Road") // *RUDN Journal of Political Science*, 2018, No. 20 (1). Pp. 60-68.]

²⁹ Non-Aligned Movement. Mode of access: <http://csstc.org>

³⁰ Эти проекты стали логическим продолжением тех идей, которые в 2014 г. премьер Ли Кэцян выдвинул в ходе визита в Африку в документе «Китайско-африканский план сотрудничества в региональной авиации». Был подписан меморандум о взаимопонимании с авиационными корпорациями шести африканских стран: Анголы, Эфиопии, Зимбабве, Кабо-Верде, Гвинеи, Конго, а также с Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКО-ВАС). «Чайна Саузерн Эйрлайнс» (China Southern Airlines) и «Эйр Чайна» (Air China) открыли прямые линии воздушного сообщения из Гуанчжоу в Найроби, из Пекина – в Йоханнесбург и Аддис-Абебу. Пассажирооборот между Китаем с Африкой увеличивается еже-

²⁶ 习近平提战略构想：“一带一路”打开“筑梦空间”，11.08.2014 [Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» откроет новые горизонты мечты]. Mode of access: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html>

²⁷ The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016-2018) 2015/12/10. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1323159.shtml

Форум в Йоханнесбурге в 2015 г. проходил под патронажем Китайского экспортно-импортного банка (*The Export-Import Bank of China*), по инициативе которого был создан Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества (*China-African Industrial Capacity Cooperation Fund*), через который стало осуществляться масштабное финансирование транспортных проектов и высокотехнологических предприятий (строительство железных дорог, автомагистралей, аэропортов, электростанций, линий электропередачи, технопарков и пр.)³¹.

Новой формой сотрудничества с африканским бизнесом стали Китайско-африканские инвестиционные форумы. Первый такой Форум прошёл в Пекине в 2014 г.³² В 2017 г. в Марокко прошёл Второй такой Форум, на который собралось более 500 африканских и китайских предпринимателей и чиновников, обсуждавших последствия реализации инициативы «Пояса и пути», а также перспективы ни много ни мало «индустриализации Африки»³³.

Планируя иностранные инвестиции, в 2014 г. КНР ввела новые правила контроля за ними. Национальная комиссия по развитию и реформам (NDRC) подписала приказ о введении «Административных мер по проверке и регистрации зарубежных инвестиционных проектов», которые значительно

упростили процесс согласования инвестиционных проектов объемом до \$1 млрд.³⁴ В том же году Государственное управление валютного контроля приняло (а затем обновило в 2015 г.) «Положение о централизованном функционировании и управлении валютными фондами ТНК», которое позволило китайским компаниям самостоятельно распоряжаться валютными поступлениями до \$100 млн в год³⁵.

Годом позже в 2016 г. выявился значительный процент китайских нерентабельных инвестиций, в том числе и в африканском финансово-экономическом сегменте. С целью сокращения нерентабельных инвестиций Госсовет КНР в 2016 г. издал внутреннее распоряжение об ограничении максимального размера сделок M&A и инвестиций в непрофильные активы компаний. Государственное управление валютного контроля ввело собственные ограничения: с 2016 г. оно стало самостоятельно проверять все переводы за границу, превышающие \$5 млн (раньше лимит составлял \$50 млн). В 2017 г. и позднее принимались законы, дополнявшие и усилившие государственное регулирование порядка инвестирования за рубежом, в полной мере распространяющиеся и на Африку³⁶.

³⁴ 境外投资项目核准和备案管理办法 [Административные меры по рассмотрению, утверждению и постановке на учёт иностранных инвестиционных проектов]. Mode of access: <https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/201404/W020190909440616023780.pdf>

³⁵ Regulations on the Centralized Operation and Management of the Foreign Exchange Funds of MNCs. Mode of access: <https://www.safe.gov.cn/en/2015/1111/769.html>

³⁶ Rules and regulations / State administration of foreign exchange. Mode of access: <https://www.safe.gov.cn/en/RulesandRegulations/index.html>; 政策法规 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 [Законодательная политика // Государственный комитет КНР по делам развития и реформам]. Mode of access: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/wap_index.html; Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239. [Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign

годно в среднем на 15%. См. Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет. [Kitai i Afrika: itogi ekonomicheskogo sotrudnichestva poslednikh let (China and Africa: Results of Economic Cooperation in Recent Years)]. Mode of access: <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let>

³¹ China and Africa Industrial Capacity Mode of Cooperation. Mode of access: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201804/18/WS5ad6a8c0a3105cdcf6518fe2.html>

³² China-Africa Investment Forum Held in Beijing. Mode of access: <https://www.sc.com/global/av/zm-news-media-140422.pdf>

³³ Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 112-128. [Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia)] // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp. 112-128.]

Суммируя сказанное, подчеркнем, что крупное китайское инвестирование в Африку целиком и полностью находится под контролем государства. Что касается средних и мелких частных инвестиций, то там контроль государства осуществляется через кредитно-банковскую сферу, но выглядит несколько мягче. Дело в том, что механизм кредитования китайскими банками и правительствами китайских компаний, действующих в Африке, и их африканских партнеров имеет минимум четыре уровня:

1. Министерство коммерции КНР, предоставляющее беспроцентные займы и целевые гранты³⁷.

2. Китайский экспортно-импортный банк, выдающий финансовые гарантии китайским компаниям, работающим в Африке, кредиты для финансирования контрактов китайским, а через них и африканским компаниям, льготные займы помощи африканским правительствам, а также курирует созданный в 2015 г. Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества (*China-Africa Industrial Cooperation Fund*) – главного оператора по финансированию строительства транспортных, иных инфраструктурных и высокотехнологичных промышленных объектов³⁸.

3. Китайский банк развития (*China Development Bank*), предоставляющий коммерческие кредиты китайским и африканским фирмам, африканским правительствам, делая это непосредственно или через подконтрольный Китайско-Африканский фонд развития³⁹.

4. Остальные китайские банки (*Bank of China, China Construction Bank, Industrial,*

Commercial Bank of China) финансируют инфраструктурные проекты китайских компаний в Африке и предоставляют займы африканским банкам-партнерам⁴⁰.

С 2000 по 2017 г. общая сумма выданных этими структурами «африканских» кредитов достигла \$143 млрд.⁴¹ Главными реципиентами этих средств были Ангола (29,9%), Эфиопия (9,6%), Кения (6,8%), Республика Конго (5,2%), Судан и Замбия (по 4,5%), Камерун (3,9%) и Нигерия (3,4%)⁴².

В последние годы важной сферой китайского проникновения в Африку с помощью инвестиций являются инфраструктурные проекты, а инструментом – Межбанковское объединение Китая и Африки (*CAIBA – China-Africa Inter Bank Association*), о создании которого было объявлено в 2018 г., и которое сегодня набирает силу⁴³.

⁴⁰ Brautigam, D.; Hwang, J. China-Africa Loan Database Research Guidebook. Mode of access: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/58ac6353f7e0ab024bcc665c/1487692628411/guidebook+draft+v.26.pdf>

⁴¹ Значительная часть информации о реальных объемах ПИИ подпадает под классификацию «коммерческой тайны», нет четких границ между «государственными» и «частными» инвестициями, идущими на конкретные цели в африканских странах, наконец, «круговая модель функционирования капитала» между материковым Китаем и гонконгским оффшором затрудняет определение реальных ПИИ из Китая в Африку. Например. В 2017 г. 75% ПИИ и 90% инвестиций в финансовый сектор были направлены через оффшоры Гонконга, отследить дальнейшее движение которых крайне сложно, учитывая то, что из Гонконга в материковый Китай также движется поток валютных средств. См. Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239. [Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign Investment from China) // zvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, Vol. 29, No. 2, pp. 227-239.]

⁴² Data: Chinese loans to Africa. Mode of access: <http://www.sais-cari.org/data-chinese-loans-to-africa>

⁴³ Congo's Rawbank Signs the China-Africa Inter Bank Association Establishment Agreement.

Investment from China) // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp. 227-239.]

³⁷ 投资项目信息库// 商务部公共服务项目 [База данных инвестиционных проектов // социальные услуги министерства коммерции]. Mode of access: http://project.mofcom.gov.cn/1800000091_10000076_8.html

³⁸ 中国进出口银行2018年度报告. [Ежегодный отчет экспортно-импортного банка Китая]. Mode of access: <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2018/201912/P020191216390734628082.pdf>

³⁹ China-Africa Development Fund. Mode of access: <http://www.cdb.com.cn/English/ywgl/zhjryw/zffzjyxgs/>

В сентябре 2018 г. состоялся очередной саммит ФСКА в Пекине, на котором председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил о новом пакете финансирования для Африки: за 3 ближайших года в Африку планируется инвестировать \$60 млрд., из которых государство возьмет на себя выделение \$50 млрд, а китайские частные компании – \$10 млрд. Объявленный новый пакет инвестиций призван доказать, что КНР не стремится заманить африканские страны в долговую ловушку, как это утверждают мировые СМИ, а оказывает им рациональную взвешенную финансово-экономическую поддержку в соответствии с официальной идеей о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания» (кит. 共同繁荣的和谐世界), органично связанной с коммунистическим лозунгом поддержки национально-освободительных движений – одного из отрядов глобальной социалистической революции. Подтверждением китайской щедрости и до известной степени бескорыстия стало выделение четверти от 60 млрд, то есть 15 млрд, в качестве беспроцентных кредитов (по сравнению с 5 млрд аналогичных кредитов в 2015 г.)⁴⁴, а также списание в 2018 г. части долгов Ботсване и реструктуризация долга Эфиопии⁴⁵.

Mode of access: <http://www.africanreview.com/finance/banking-a-finance/congo-s-rawbank-signs-the-china-africa-inter-bank-association-establishment-agreement>. На 2018 г. Китай финансировал в Африке свыше 3000 преимущественно крупных инфраструктурных объектов. См. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контурь глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianii v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp.6-29.]

⁴⁴ Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // Carnegie Moscow Center, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

⁴⁵ African Countries Seek Relief from Chinese Loans // *The EastAfrican*. September 17, 2018. Mode of access: <https://www.theeastafrican.co.ke/business/African-countries-seek-relief>

Образно говоря, Китай вступает в Африку по-тигриному на четырех лапах – двух политических и двух экономических. До самого последнего времени передние лапы были экономическими – торговля и инвестиции, а задние лапы – политическими – доктрина мягкой силы и прямое военной присутствие. После анонсирования Си Цзиньпином программы «Один пояс – один путь» и его составляющей «Морского Шелкового пути в XXI в.» (2013 г.), особенно после 2017 г., когда заработала первая китайская зарубежная военная база в Джибути, ситуация стала постепенно меняться в пользу усиления силового фактора в рамках африканской стратегии КНР, но пока это лишь вектор развития, а не свершившаяся реальность.

Цели китайской политики в Африке: вчера, сегодня, завтра.

Какова цель политики Китая в Африке и что призваны решать ФСКА и программа «Один пояс – один путь» применительно к африканскому ареалу?

Прежде чем дать ответ на эти вопросы, подчеркнем, что экономический и финансово-инвестиционный интерес – не столько цель, сколько средство, инструменты решения политических задач, которые и являются драйвером китайско-африканских отношений. Судите сами: как отмечалось выше, китайско-африканский товарооборот составляет не более 4,5% от общего товарооборота КНР; инвестиции Китая в африканские страны не превышают 4,25% от общего объема китайских ПИИ в зарубежные страны, а в 2013-2018 гг. они составили от 1,2% до 3,77% от общего объема китайских ПИИ⁴⁶. Китай существенно уступает в Африке по совокупному объему этих двух показателей странам условного Запада (США и Евросоюзу), выступая в роли догоняющего с неочевидными шансами на победу⁴⁷.

from-Chinese-loans-/2560-4763776-6grapjz/index.html

⁴⁶ 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>

⁴⁷ Объемы товарооборота Китая с Европейскими странами и США за 2018 г. превысили объ-

Африка ни по объему товарооборота с КНР, ни по совокупному объему инвестиций не является приоритетным объектом приложения китайских экономических усилий. Можно уверенно говорить о том, что КНР обладает значительным потенциалом увеличения объема товарооборота и инвестиций в Африке, однако до настоящего времени использует его далеко не в полном объеме, что, собственно, и пугает страны условного Запада во главе с США, которые таким потенциалом не обладают.

По всей видимости, КНР только нащупывает место Африки в своей геоэкономической и геополитической стратегии. Согласимся с мнением тех экспертов, которые полагают, что для КНР африканский регион это – «тестовая площадка для относительно безопасной отработки методик и тактик геоэкономического соперничества и взаимного обмена системными ударами» с глобальными геополитическими конкурентами, в первую очередь США⁴⁸.

Ряд исследователей предполагает, что Китай видит Африку в будущем как своего «наиболее близкого партнера» по созданию альтернативного западному миропорядка с собственной финансовой и банковской системами. Напомним, что именно об этом говорилось в 2000 г. в «Декларации первого Форума сотрудничества Китая и Африки», целью которого объявлялось создание предпосылок для достижения нового международного политического и экономического

порядка⁴⁹. Речь идет о сравнительно далеком будущем: в лучшем случае о второй половине XXI в. и следующем поколении политических лидеров.

Пока же, на этапе слабо контролируемого переходного периода китайское отношение к Африке сохраняет намеренную противоречивость. С одной стороны – это прагматичное стремление в условиях острой глобальной конкуренции решить собственные экономические задачи, вызванные избытком инвестиционных капиталов и рабочих рук, недостатком природных ресурсов и кризисом перепроизводства. С другой – стремлением заполучить важного геополитического партнера с большим количеством голосов в международных организациях⁵⁰.

Китайские частные компании, которые политическое руководство КНР в массовом количестве привлекает к процессу «освоения Африки», руководствуются первым стремлением, не стесняясь используя в Африке колониальные методы эксплуатации в их самой что ни на есть жесткой капиталистической форме, что вызывает недовольство и критику ряда африканских государственных деятелей и рядовых граждан⁵¹.

Китайский частный бизнес занимается, прежде всего, доходными отраслями, концентрируясь на добыче и торговле природными ресурсами. Само же китайское политическое руководство привержено принципам партнерства и ищет способы смягчить последствия неконтролируемых действий частных китайских экономических агентов в Африке, заботясь о создании благоприятного

ем торговли со странами Африки в 4,1 и в 3,4 раза соответственно. Объемы инвестиций Китая в европейские страны и США в среднем за 2013-2018 гг. превышали объем инвестиций в страны Африки почти в 3 раза. 中国统计年鉴2019 [Статистический ежегодник Китая 2019]. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm>

⁴⁸ Фитуні Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipolarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianii v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), Pp.6-29.]

⁴⁹ 中非合作论坛北京宣言 [Пекинская декларация Форума сотрудничества Китай-Африка]. Mode of access: <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t155560.htm>

⁵⁰ Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 68-75. [Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia trgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp. 68-75.]

⁵¹ Hanauer, L.; Morris, L.J. Chinese Engagement in Africa. Drivers, Reactions, and Implications for U.S. Policy. Mode of access: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR521/RAND_RR521.pdf

имиджа Китая в глазах африканцев и стремясь политическими средствами устранить социальные диспропорции в экономическом сотрудничестве для снижения недовольства среди африканцев. Вот так методом капиталистического кнута и социалистического пряника строятся китайско-африканские отношения.

Выделим четыре группы целей, внутри которых просматриваются конкретные задачи КНР применительно к отдельным африканским странам и регионам.

1. Первая группа целей – финансово-экономическая. Их смысл – реализовать огромный запас иностранной валюты, прежде всего долларов, скопившийся в финансовых учреждениях Китая благодаря экспортно-ориентированной экономике. Количество избыточных золотовалютных резервов Китая таково, что «переварить» их на внутрикитайском рынке без критического перегрева экономики, по-видимому, просто нет возможности. Поэтому объектом целевого инвестирования становятся иностранные рынки, в частности, такие второстепенные как африканские.

2. Вторая группа целей – торговологистическая, состоящая в намерении минимизировать транспортные расходы при экспорте своей продукции и импорте сырья, необходимого для развития китайской экономики. Речь идет о том, чтобы поставить страны, через которые проходят китайские торговые пути, в положение, когда они не смогут требовать высокую плату за провозимые по их территории товары китайского производства и обеспечат бесперебойный поток сырьевого импорта в КНР.

Для КНР увеличение прибыли за счет снижения транспортных тарифов – едва ли не единственная возможность удержать конкурентоспособный уровень своей продукции. По мере роста уровня жизни китайцев, трудящихся в производственных отраслях, китайские товары становятся все дороже и дороже, что побуждает ряд среднеразвитых стран, например, Мексику, искать замещение товаров китайского производства на более дешевые аналогичные товары, производимые в Индии, СРВ, Индонезии и некоторых других странах Азии. Это серьезная угроза

китайской экспортно-ориентированной экономической стратегии. Китай – это страна с самым многочисленным в мире средним классом – более 300 млн человек. В руках этой части населения КНР сконцентрированы основные финансовые ресурсы, его представители – главные потребители материальных благ в КНР. Хватит ли покупательной способности этого класса, чтобы компенсировать риски экспортно-ориентированной экономики в случае серьезного кризиса западных экономик, сказать трудно. Во всяком случае, альтернативные зарубежные рынки, такие как, африканский, обслуживающий потребности свыше миллиарда двухсот миллионов жителей, до некоторой степени могут компенсировать китайской экспортно-ориентированной экономике потери от возможного экономического кризиса в странах условного Запада⁵².

3. Третья группа целей – геополитические, которым Китай всегда уделял повышенное внимание. Речь идет о стремлении китайского руководства привлечь к себе страны с выгодным геополитическим расположением или перспективные с иных точек зрения в качестве стран-последователей, готовых плотно сотрудничать с КНР в сравнительно широком спектре направлений от экономических, вытекающих из двух первых целей, до тесного партнерского взаимодействия на площадках ООН.

4. Есть, на наш взгляд, и четвертая группа целей – политико-идеологическая, кото-

⁵² Общая численность африканского населения – около 1200 млн человек, из которых 40% – моложе 15 лет, а более 700 млн – это трудоспособное население. К 2050 г. наиболее богатые 10% африканцев (около 250 млн чел.) будут обеспечивать пятикратное увеличение спроса на товары и услуги по сравнению с сегодняшним днем, тогда как по данным ООН к 2099 г. доля африканцев может составить более 40% населения мира (Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianiiia v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3). Pp. 6-29.]

рую, как правило, игнорируют аналитики-экономисты. Дело в том, что КНР остается страной «развитого социализма», лидером группы стран, сохраняющих, в отличие от РФ, базовые принципы альтернативного капитализму социалистического вектора развития (Куба, КНДР, СРВ и др.). Напомним, что согласно официально принятой в КНР марксистской идеологии, социализм – это первая фаза коммунистической формации, возникающая и развивающаяся еще на экономическом базисе капитализма. Государственная же надстройка – социалистическое государство, опираясь на экономику капиталистического типа, должно быть уже не буржуазным, обслуживающим интересы класса капиталистов и элитарных олигархических групп, а общенародным. Оно должно действовать в интересах абсолютного большинства трудящихся собственной страны и трудящихся дружественных зарубежных стран, оказывая помощь народам, борющимся против угнетения, за свое освобождение и развитие. Доктрина «Один пояс – один путь» официально подается как программа установления партнерских отношений с теми странами, которые готовы к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству⁵³.

24 октября 2017 г. на 19 съезде КПК по предложению Си Цзиньпина в устав КПК было внесено изменение, согласно которому Китай продолжает строить социализм, но «с китайской спецификой»⁵⁴. Си Цзиньпин последовательно отстаивает идею, что в новых условиях 21 века, став, по сути, второй государственной экономикой мира, Китай продолжает развиваться по социалистическому пути, то есть строит общественный строй, альтернативный капиталистическо-

му. В 2018 г., по настоянию Си Цзиньпина, идея о социализме с китайской спецификой в новую эпоху была официально включена в конституцию КНР⁵⁵. Из сказанного вытекает, что идеи социализма для Китая актуальны, а следовательно актуальными и неизменными остаются социалистические принципы солидарности трудящихся всего мира в их борьбе за социальную справедливость и против империалистического угнетения.

Нет смысла говорить, что КНР действует в Африке не бескорыстно, напротив, китайские лидеры не скрывают, что преследуют весьма конкретные прагматичные экономические и финансовые цели, о чем говорилось выше. Инструменты западного экономического влияния в Африке – Международный банк реконструкции и развития или Международный валютный фонд подчеркивают филантропический характер своих африканских проектов – помощь слаборазвитым и нуждающимся без надежды на равноправное экономическое партнерство. В отличие от них Китай, напротив, строит бизнес более или менее органиченный местными условиями, ориентированный на то, чтобы со временем обеспечить китайских предпринимателей бизнес-партнерами в африканских странах⁵⁶.

Именно четвертой группой причин объясняется высокий процент нерентабельных инвестиций в Африку, осуществляемый не частными компаниями в Африке, с чем китайские официальные власти с 2016 г. ведут борьбу, а заведомо убыточные масштабные государственные проекты инфраструктурного характера (строительство железных и автодорог, реконструкция и строительство морских и авиационных портов, строительство электростанций и линий электропередач, школ, больниц, спортивных объектов и многое другое), под которые китайские власти выделяют беспроцентные кредиты и льготные займы без малейшей надежды

⁵³ The Belt and Road Initiative Progress, Contributions and Prospects. Mode of access: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/86739.htm>

⁵⁴ Устав Коммунистической партии Китая, принятый с частичными поправками 19-м Всеитайским съездом КПК 24 октября 2017 года [Ustav Kommunisticheskoj partii Kitaia, priniatyj s chastichnymi popravkami 19-m Vsekitaiskim s'ezdom KPK 24 oktiabria 2017 goda. (The Constitution of the Communist Party of China with amendments adopted 24 october, 2017)]. Mode of access: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/19sjd/t1507488.htm>

⁵⁵ 中华人民共和国宪法(2018年修订) [Конституция Китайской Народной Республики (с поправками 2018 года)]. Mode of access: https://chinalaw.center/china_constitution/china_constitution_revised_2018_chinese/

⁵⁶ Belt and Road Initiative drives Africa's integration, economic growth. Mode of access: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/wksl/58922.htm>

на их возвращение. В основе этой политики лежит тезис о «китайско-африканском сообществе с единой судьбой», озвученный председателем КНР Си Цзиньпином в Танзании в 2013 г.⁵⁷ Идеями «классовой солидарности» продиктованы и многие другие инициативы китайской стороны в Африке, например, стремление к установлению с африканскими странами отношений по принципу win-win (кит. 合作共赢), гарантирующих взаимный выигрыш обеим сторонам, или принцип комплексного сотрудничества по формуле «энергоресурсы в обмен на инфраструктуру», или провозглашение схожести китайских ценностей с африканскими и общности исторического прошлого, исторической судьбы, а также им подобные⁵⁸.

Многие из этих лозунгов, энергично распространяемых в Африке официальным информационным агентством КНР «Синьхуа», на самом деле подкрепляются практическими результатами – от сотрудничества с Китаем многие страны Африки действительно получают большую пользу, что признается даже на уровне официальных заявлений Афро-союза⁵⁹. Это – модернизация и строительство инфраструктуры, предоставление военной помощи, развитие медицины, образования, информационных коммуникаций и технологий, содействие в уходе от сырьевой зависимости и переходе к индустриализации, ослабление безработицы путем создания сотен тысяч новых рабочих мест для африканцев,

наконец, создание основ для политической, экономической и социальной стабильности в лишенных всего этого африканских странах. Справедливости ради отметим, что китайская политика способствует укреплению далеко не только стран с демократическими политическими режимами (ЮАР, Тунис и др.), но и африканских стран во главе с авторитарными правителями, в ряде случаев – военными диктаторами. Судя по всему, этот факт нисколько не смущает коммунистическое руководство КНР, косвенно указывая на его приверженность авторитарным принципам государственного управления в принципе, и в африканской реальности, в частности.

Согласно социологическим исследованиям, более половины населения Африки положительно оценивает китайских инвесторов, считая их вклад в развитие африканских стран позитивным. В отдельных странах (к примеру, ЮАР) положительно к Китаю относится меньше 50%, но эти цифры все равно превышают процент населения, высказывающего негативную оценку КНР.⁶⁰ Достаточно широко распространены и, по некоторым оценкам, углубляются также и негативные последствия китайской экспансии в Африке, ширится и соответствующая реакция недовольных этой политикой африканцев, которые, тем не менее, пока представляют собой локальное меньшинство⁶¹.

⁵⁷ 习近平盛赞“中非命运共同体” [Си Цзиньпин восхищён «Китайско-Африканским сообществом с единой судьбой»]. Mode of access: www.12371.cn/2013/03/27/ARTI1364369490786622.shtml

⁵⁸ Beijing Declaration – Toward an Even Stronger China-Africa Community with a Shared Future. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1593686.shtml

⁵⁹ Statement by the Chairperson of the African Union Commission, Her Excellency Dr. Nkosazana Dlamini Zuma on the occasion of the visit of Li Keqiang, Premier of the State Council of the People's Republic of China, to the African Union 5 May 2014, Addis Ababa, Ethiopia. Mode of access: https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/25654-wd-statement_of_the_chairperson_on_the_visit_of_chinese_premier_-_5_may2014_-_final_checked_on_delivery.pdf

⁶⁰ China's economic Growth Mostly Welcomed in Emerging Markets, but Neighbors Wary of Its Influence // Pew Research Center. Mode of access: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2019/12/PG_2019.12.05_Balance-of-Power_FINAL.pdf; Михайличенко К.М. Роль Африки в инициативе Китайской народной Республики «Один пояс и один путь» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Том 20. № 1. С. 60-68. [Mikhailichenko, K.M. Rol' Afriki v initsiative Kitaiskoi narodnyi Respubliki «Odin poias i odin put'» (Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt And One Road") // *RUDN Journal of Political Science*, 2018, No. 20 (1), pp. 60-68.]

⁶¹ Some Kenyans say Chinese-built Railway Leaves Them in the Dust // *Reuters*, 22.01.2020. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-kenya-railways/some-kenyans-say-chinese-built-railway-leaves-them-in-the-dust-idUSKBN1ZL1JK>

Подчеркнем, что глубинно «незападный» характер международной политики КНР многим очевиден: директор отдела политического планирования Государственного департамента США Кирон Скиннер не вполне политкорректно увидел конкуренцию США с КНР под углом зрения столкновения «фактически чуждой цивилизации, чуждой идеологии» и даже «чуждой расы». Антикитайская позиция постепенно превращается в организующий принцип американской экономической, политической, военно-стратегической политики «не только в двусторонних взаимоотношениях Вашингтона и Пекина, но и во всем мире»⁶², что делает социалистический Китай принципиальным идеологическим противником «Западного мира» под предводительством США⁶³.

Изложенные выше четыре группы целей, которыми вдохновляется китайское руководство, разворачивая грандиозный проект «Китай-Африка», концептуально «упакованы» в комплексную стратегию укрепления собственного влияния на Черном континенте. Аналогичную стратегию по Африке имеют США, и после 2017 г. к ее разработке приступила Россия. Старший научный сотрудник Фонда им. Карнеги Пол Стронски отмечает, что в отличие от международных институтов развития, Пекин не ставит африканским странам условий по прозрачности и недопустимости коррупции, и не выдвигает требований по развитию демократии, как это делают страны Запад, прежде всего США, Франция и Великобритания⁶⁴. Китай идет в африкан-

ской политике собственным путем, при этом учитывая опыт как западных колониальных и неоколониальных стран во главе с США – главных конкурентов КНР в Африке, так и опыт Советского Союза, который до 1990-х гг. имел разветвленную сеть стран-последователей на Черном континенте. У СССР и его союзников по социалистическому блоку была группа поддержки из числа африканских стран, которые неизменно солидаризировались с Советским Союзом в ООН во время принципиальных голосований. Сегодня китайские страны-последователи также ведут себя в ООН по отношению к Китаю. Главный урок, который Китай извлек из советского опыта, состоит в том, чтобы во внешней политике не ставить идеологию выше экономического интереса. Хотя политика КНР в Африке напоминает советскую политику в этой части мира, но есть и различия: больший прагматизм с китайской стороны в решении внешнеэкономических задач и большая последовательность в достижении стратегической цели по созданию нового, альтернативного капиталистическому миропорядка под предводительством Китая.

Если абстрагироваться от дальнесрочных гипотетических перспектив достижения Китаем глобального политического превосходства или хотя бы паритета с США и их союзниками, то у КНР в Африке сегодня две главных цели: во-первых, удовлетворить насущные экономические потребности и, во-вторых, сформировать блок стран-последователей из числа наиболее с китайской точки зрения полезных африканских государств. Если посмотреть через эту призму на китайские инициативы в Африке, то становится понятно, что там создана бинарная конструкция: Форум сотрудничества Китай-Африка запускает механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР с перспективой стать страной-последователем

⁶² Financial Times, June 5, 2019. P. 9.

⁶³ Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контурь глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29. [Fituni, L.L. Na puti k novoi bipoliarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoianii v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp. 6-29.]

⁶⁴ Stronski P. Putin Hosts African Leaders to Rile West, but With Little to Offer Them. October 24, 2019. Mode of access: [https://carnegieendowment.org/2019/10/24/putin-hosts-african-leaders-](https://carnegieendowment.org/2019/10/24/putin-hosts-african-leaders-to-rile-west-but-with-little-to-offer-them-pub-80195)

[to-rile-west-but-with-little-to-offer-them-pub-80195](https://carnegieendowment.org/2019/10/24/putin-hosts-african-leaders-to-rile-west-but-with-little-to-offer-them-pub-80195); Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

Китая⁶⁵, а программа «Пояса и Пути» де-факто «оформляет членство» в клубе стран-последователей Китая, закрепляя эти страны в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически. Так схематично выглядит проект, именуемый «Китай-Африка». Сравнивая нынешнее состояние китайско-африканских отношений с их состоянием двадцатилетней давности, признаем качественные изменения. За прошедшие 20 лет Китай не просто упрочил свои позиции на африканском континенте, но, наряду с США, снискал себе заслуженную репутацию «панафриканского» политического актора, с той разницей, что Китай пока существенно уступает США с точки зрения его военного присутствия на континенте. Что касается гипотетического проекта «Нить жемчуга», то это – симптом перехода на новый геополитический уровень отстаивания собственных интересов и интересов союзников, то есть стран-последователей, всеми, в том числе и немирными средствами, но это предмет другого исследования.

Литература:

Дейч Т. «Китайский век» для Африки // *Международная жизнь*, 2013. № 10.

Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. № 4. С. 68-75.

Ли Гуаньшюнь. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской политики КНР // *Вестник московского университета*. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162-174.

Михайличенко К.М. Роль Африки в инициативе Китайской народной Республики «Один пояс и один путь» // *Вестник РУДН*. Серия: Политология. 2018. Том 20. № 1. С. 60-68.

Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая // *Известия Байкальского государственного университета*. 2019. Т. 29. № 2. С. 227-239.

Фитунни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019. Том 12. № 3. С. 6-29.

Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России // *Россия и современный мир*. 2018. № 4. С. 112-128.

He, A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers No. 208 – December 2018. ON, Canada, 2018.

Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

Zhao, J. 21st-Century Maritime Silk Road Initiative: Aims and Objectives, Implementation Strategies and Policy Recommendations (Series on China's Belt and Road Initiative). World Scientific, Social Sciences Academic Press, 2020.

References:

Deich, T. «Kitskii vek» dlia Afriki ("Chinese century" for Africa) // *International affairs*, 2013. No. 10.

Fituni, L.L. Na puti k novoi bipolarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoiania v Afrike (Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa) // *Political Processes in the Changing World*, 2019, No. 12 (3), pp 6-29.

He, A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers No. 208 – December 2018. ON, Canada, 2018.

Li, Guan'siun'. Strategiia «Nitki zhemchuga» v kontekste morskoi politiki KNR (The "String Of Pearls" Strategy in The Context of China's Maritime Policy) // *Moscow State University Bulletin, Ser. 25 International Relations And World Politics*, 2011, No. 4, pp 162-174.

Mikhailichenko, K.M. Rol' Afriki v initsiative Kitskoi narodnyi Respubliki «Odin poias i odin put'» (Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative "One Belt And One Road") // *RUDN Journal of Political Science*, 2018, No. 20 (1). Pp 60-68.

⁶⁵ Институт стран-последователей изобретен в рамках доктрины зависимого развития в контексте идей таких выдающихся политико-экономических фигур как Фридрих Лист, Карл Шмидт, Каноз Фумимаро, Саул Коэн и некоторых других.

Shalamov, G.G. Kitaiskoe prisutstvie v Afrike: uroki dlia Rossii (China's Presence in Africa: Lessons for Russia) // *Russia and Contemporary World*, 2018, No. 4, pp 112-128.

Sizykh, E.Yu. Sovremennyye tendentsii i perspektivy vyvoza pryamykh inostrannykh investitsiy iz Kitaya (Modern Trends and Prospects of Export of Direct Foreign Investment from China) // *zvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, Vol. 29, No. 2, pp 227-239.

Spivak, V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? // *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. Mode of access: <https://carnegie.ru/commentary/80181>

Zakharov, A.N.; Rusak, N.A. Vneshniaia torgovlia Kitaia so stranami Afriki (Foreign trade of China with African countries) // *Russian Economic Bulletin*, 2018, No. 4, pp 68-75.

Zhao, J. 21st-Century Maritime Silk Road Initiative: Aims and Objectives, Implementation Strategies and Policy Recommendations (Series on China's Belt and Road Initiative). World Scientific, Social Sciences Academic Press, 2020.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

CHINESE RUSH TO AFRICA: A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS

Evgeny I. Zelenev

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

Maria A. Soloshcheva

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 28.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 13.08.2020</p>	<p>Abstract: In this article, the authors conduct a comparative historical analysis of the stages of Chinese penetration into Africa, the concepts, goals, means, methods and consequences of this penetration for China itself and for individual African countries. The authors conclude that compared to the period of twenty years ago, when China began to show increased interest in Africa, a new situation has now emerged. China has created a binary structure: the Forum of China-Africa cooperation launches a mechanism for selecting countries that are ready to follow the political path of the PRC with the prospect of becoming a country-follower of China, and the "One belt – one road" program de facto "forms membership" in the club of countries-followers of China, fixing these countries in the trail of Chinese influence not only politically, but also economically.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Evgeny I. Zelenev</i>, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics</p> <p>e-mail: evzelenev@gmail.com</p> <p><i>Maria A. Soloshcheva</i>, Candidate of History, Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics</p> <p>e-mail: mary1685@mail.ru</p> <p>Key words: China; Africa; Forum of China-Africa cooperation (FOCAC); China-Africa relations; "One Belt – One Road"; 21st century Maritime Silk Road; "String of Pearls" strategy</p>	

Для цитирования: Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 106-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052

For citation: Zelenev, Evgeny I.; Soloshcheva, Maria A. Kitayskoye proniknoveniye v Afriku: sravnitel'no-istoricheskaya retrospektiva (Chinese Rush to Africa: a Comparative Historical Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 106-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052